

Как любят ПОКОЙНИКИ

Софья Стасевич

Софья Константиновна Стасевич

Как любят покойники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70571809

SelfPub; 2024

Аннотация

Какие последствия за собой несет искусственная любовь, любовь-привычка? Человек думает, что ему подвластно сохранение иллюзии счастья, накидывает простыню на торчащую арматуру – вот оно мягкое кресло. Осталось только присесть и напороться на острое разочарование.

Софья Стасевич

Как любят покойники

Тишина. Поздняя дождливая осень. Бесшумный ветер срывает последние сухие листья. Голые ветви ломаных деревьев прячут за собой бесчисленное множество могильных плит. Осенью я часто прихожу на кладбище насладиться безмолвием. Прогуливаться по местам, где нет ни единой души стало моей привычкой с тех пор, как умерла моя первая любовь. Я женился вновь спустя пару лет, однако и теперь совершенно несчастлив. Она – отличная мать, хорошая хозяйка, впрочем, она – удобная жена. Правда, я не люблю ее. Уйти не могу: у нас растет дочь – моя Верочка, боюсь навсегда потерять то, что так дорого. И вот вечера я провожу тут, погибая в нерешимости и тоске.

Сегодня я встретил женщину: черные густые волосы, крупная коса, обвивающая голову, сильное тело в черном велюровом платье, грубоватое, невероятно худое лицо, мрачный усталый взгляд. Ее красивые черты уродовали огромные ожоговые рубцы от брови до носа. Она носила шрамы, неподобающе уродам. Носила их, словно медали, гордо держа голову. Женщина сосредоточенно смотрела, кажется, на родные улыбающиеся лица, навсегда превратившиеся в камень. Смотрела без сожаления, но совсем не холодно: улыбка освещала ее шершавое, мокрое то ли от слез, то ли от дождя ли-

цо. Глядя на ее взволнованный стан, я впервые подумал, что упокоение приятнее жизни. То, чего так боится человек, оказалось мне пустяком, блаженным и справедливым спокойствием. Я долго наблюдал за ней. И она, словно почувствовав мой внимательный взгляд, обернулась. Ее шрамы вцепились мне в лицо. Пойманный, как ребенок за руку, я неторопливо подошел к ней.

– Прогуливаетесь по кладбищу? – горько усмехнулась женщина.

– Моя жена похоронена недалеко, – немного грубо процедил я, сам того не ожидая.

Женщина оробела. Одолеваемая смущением, замолчала. Я поспешил объяснить, взяв ее за плечо:

– О, не переживайте, это случилось очень давно. Я любил ее безумно, но мы постоянно ссорились; я ее изводил, но очень красиво извинялся. Был тогда молодой совсем, вспыльчивый и глупый. Очередной скандал. Бил посуду, кричал. Даже ударил ее... Я ушел, пообещал, что больше не вернусь. Наутро понял как виноват, бежал что было мочи, но... оказалось поздно. Повесилась. Под потолком ее нашел, как сейчас помню. Выяснилось потом, что она ждала ребенка. Простить этого я себе не могу. Сейчас живу со второй женой... и я очень... благодарен ей. Она подарила мне дочь. Славную. И я...

– Вы ее не любите? – женщина уставилась на меня. Ее шрам впивался мне в лицо.

– Дочь? Вы что, конечно люблю, больше вс...

– Жену, – незнакомка не оставляла мне шанса избежать ответа.

В эту минуту ее знающий взгляд, точность ее речи и эти рубцы... Я видел в ней что-то близкое. Я должен с ней поделиться. Я набрал в грудь воздуха и сказал.

– Нет. Никогда не любил. А уйти не могу, потому что привязан и боюсь потерять. Как тогда...

– По-всякому потерять можно, даже если всегда оставаться, – она достала сигарету из черного потасканного портсигара, нервно закурила.

Между нами повисло молчание. Над нами собиралась туча, дождь начинался с новой силой. Я чувствовал, что вызываю эту женщину на откровение, и она готовит мне свою душу. Я был не против.

– Не найдется сигареты? – протаскил я острием по затянувшемуся молчанию.

Женщина перевела свой внимательный взгляд с могильных плит на меня, протянула сигарку. Она была готова поведать мне свою историю.

– Я помню только крики. Здесь смерть подарила этим людям то, чего им, – она громко вздохнула, кивнув в сторону двух могил, расположенных перед нами, – никогда не хватало при жизни – тишину. Начну издалека. Детство. Бесконечный шум вокруг. Бесстрашие, безрассудство и глупость. Мне исполнилось около двенадцати лет. Родители из приме-

ра для подражания превратились в обыкновенных запутавшихся людей, потерянных в своих немых страхах и запретных желаниях. Любовь между ними – отголосок прежней страсти, лишь ошибка, которую два несчастных человека заметили слишком поздно. Взрослея, осознаешь, что, настоящая жизнь больше походит на бесконечный кошмар, нежели чем на веселую сказку. Я смотрела на своих родителей, которые прежде любили друг друга, и видела, как между ними росла стена холода и непонимания. Отец часто задерживался на работе, куда с утра собирался, с особым усердием начищая кожаные туфли и выливая пол флакона резкого парфюма. Мать находила утешение в заботе обо мне и в ухаживаниях совсем юного коллеги, с которым она разговаривала по телефону вечерами. Они знали, что любви не осталось, им было удобно играть роль членов прилежной семьи. Такая жизнь стала привычкой, обыденностью, от которой сложно отказаться. Взрослые обычно говорят о совместно нажитом имуществе и детях, как о причинах сохранить брак. О любви почему-то не вспоминает никто. Но эта ширма мнимого счастья упала им прямо на головы.

У меня возник план примирения, представляете? – она нервно усмехнулась, – Сейчас он кажется смешным, тогда я возлагала на него большие надежды. Написала записку от имени отца, в которой он просит у матери прощения за все ссоры и обещает изменится, положила эти каракули на кухне и поставила пластинку любимого моими родителями Шу-

берта, в надежде, что их сердца растают, благодаря моей сообразительности. Я улыбалась, сидя в своей спальне, представляла, как мать изучает записку, забегает к отцу, читающему газету в гостиной, целует его, он обнимает ее. Представляла, как они мирятся. Но вопреки моим ожиданиям, я услышала истеричные крики матери через несколько минут: “Ты уничтожил даже иллюзию нашего счастья! Посмотри, что сделала Вера!”

Рассказчица остановилась, сбивчиво глотая воздух. Я смотрел на ее трясущиеся губы. В моей голове эхом звучало: Вера, Вера, Вера... Рассказ снова пошел своим чередом, я слушал дальше, как бы опьянев:

–Быстро и тихо я подкралась к кухне, встала за дверным проемом. Я ждала расплаты за свой проступок, даже жаждала наказания. Видела, как мать срывалась на слезы, тыкала отцу в лицо оборванным куском исписанной бумажки. Отец громко, сбивчиво кричал. Я уже не могла разобрать слов. “Простите, не ссорьтесь, только не ссорьтесь!” – выбежала я, когда они начали толкать друг друга. Качнулся стол. Огромная кастрюля кипятка, с замоченными в ней тряпками, упала на меня, – влажные глаза женщины, пересеченные рубцами, словно видели это сейчас, – я обварилась. Мать бросилась ко мне – надежда на примирение великой ценой. Она зарыдала, стискивая меня в объятиях, прикладывая ладони к моей раскрасневшейся облезлой коже. Я почти не чувствовала боль, я только слышала как бьется мое сердце. Но тут мать вско-

чила. “Подонок, это из-за тебя!” – она с криками схватила нож с хлебной доски и несколько раз нещадно полоснула отца по груди. Тот, словно обезумев, из последних сил сжал ее тонкую шею. Время замедлилось. Они столкнулись. Я ужаснулась, кажется, они никогда не были так близки. Мать, задыхаясь, воткнула нож отцу в грудь. Борьба кончилась. Их руки разжались. С оглушающим звоном на кухонный кафель упал окровавленный нож. Нежно и проникновенно звучала «Ave Maria» Шуберта. Два тела упали навзничь.

Вот они мои родители. Вот она эта смиренная тишина.

На их лицах рисовалось даже подобие улыбки. Кажется, что они рады друг другу намного больше, чем когда-либо. Их безвольные тела питают друг к другу больше любви, чем полные жизни. Я стояла у двери. Музыка стала тише... Не помню, что было дальше, помню ужас, помню побежала к соседям, помню похороны. Это все, что я о них помню. Сюда я прихожу редко, тяжело мне вспоминать все это.

Закончив свой рассказ, она утерла одинокую слезу и снова молча уставилась на могильные плиты. Я смотрел на ее измученное лицо, страшась мысли о том, что моя Верочка может стать такой Верой.

– Вот как любят покойники... – пробубнил я совершенно невпопад, развернулся и пошел прочь.